
Я хочу просто взять и уйти,
В тротуаре ковровым светом,
Проявляясь осенним следом,
Фонарями в чужой тени.

Я хотел бы зимой и летом
Ждать прихода сырой весны,
И когда раздувает костры
Злым, пронзающим воем, ветром.

Я хочу, только этого мало,
Заплутать, чтоб меня не нашли.
В невесомой глухой тиши,
Чтоб любимая целовала.

Я хочу, и желание светит,
Но дорога моя в дыму –
Это город горит на краю, я иду,
Чтобы вместе рассвет с ним встретить.

Я иду, значит я живу
Вровень с этими и иными,
Равнодушными, добрыми, злыми,
Приближая себя к концу.

А потом и не скажут другого,
Когда кто-то бежит вперёд,
Продвигаясь на тонкий лёд,
Знаю, всё повторится снова.

Разжигай же свой вечный огонь!
Я хочу насладиться видом,
Как сгорает под светлым нимбом
В патронташе последний герой.

Облака

Плывут в полумраке долиной немою,
Идут кораблями по небу в дыму.
Пусть беды накроют меня с головою
И счастье пускай украдут.

Идут терпеливо, ступая неспешно.
Что в свете далеком прошедших времён?
Мне тошно смотреть и видеть ту нежность,
С которой вонзается нож под ребро.

На небо смотрю и вижу глухую,
Недвижную вижу и дикую синь.
Я там по ступеням дорогу рисую,
Что б смерть под конец обмануть.

Мне много ли надо, лишь чтобы кружили,
Лишь чтобы смеялись и пели вокруг.
Тут в жизни, в рассеянном мире все лживы,
Где нету порой ни друзей, ни подруг.

Где каждый суровую правду едва ли
Впитал с молоком и теплом матерей
В расколоте мире ружья и медали,
Но небо не хочет быть к людям добрей.

В развергнутой пасти хватает рядами
Идущих и рвущихся белых клыков,
Мне много не надо, лишь только местами
Пусть будут просветы в тени облаков.

Я так утомился, и то ль ещё будет,
Я долг свой всегда по-солдатски приму.
И знаю, идут с надменностью судей,
Я им объявляю войну.

И небо ни при чём и море тоже,
Земля впотьмах раскинулась, и что ж?
Где райский сад, окутанный морозом?
Стоит в пыли снегов в нерайских снах.

И птицам тяжело летать, а рыбам плавать.
В лоскутной роще вереск, тишь и тьма,
И я без трепета... в груди зияет рана,
Но знаю я, что бог хранит меня.

Расколота посуда в доме миллом, всё
Решено за нас, и сонность та
Накроет имена, что б с нами не случилось,
Накроет и сожжёт дотла.

Я не хочу бояться без причины
И по причине тоже не хочу, устал.
Там яркий свет, неясный, но красивый,
Там голубые сверху небеса.

Там те, кто меня знают, помнят, ждут,
Там всё на свете окромя погоды,
Стихи мои, как солнце берегут,
Туда я проберусь под неба своды.

Урабора. Августовский сказ

Урабора, заходи к нам на чаек,
Я тебе припрятал мясо в тайный темный уголок.
Урабора, когда весь мир во сне,
Деревьев тени на стене, как зубы Урабора.

Урабора в темноте бросает взгляд
На кровати, где в уюте люди спящие лежат.
Урабора в звонкой темени ночной
Точит жестяные зубы, стоя прямо за тобой.

В дальнем прошлом зародилась молва,
Что приходит ночью монстр к тем, кто не закрыл глаза.
С тенью, с шумом проникает он в дома.
Через окна, что открыты, заступает в дом нога.

Но не сказки, Урабора в дверь стучит,
Извещая постояльцев, что наносит свой визит.
В темень комнат, Урабора – посмотри,
Он сидит в углу бесшумно и в глаза тебе глядит.

Урабора с бледной дегтя тишиной,
Он, сливаясь в мрачность улья, доставляет пчел покой.
Урабора всем вокруг внушает тьму,
Если в комнате остался – с ним вкушаешь темноту.

Не пытайся ты из комнаты бежать,
Он тебя за ноги схватит и затащит под кровать.
В мертвый холод, в подземелье под скалой,
Он тебя утащит скоро доедать живую плоть.

На кровати в полуночной дремоте,
Разворачиваясь набок, ты глаза зажмурь сильней.
Если видит, что не спишь ты в ночь его,
Перекусит тебе жилы и положит на плечо.

Берегись седого неба, в ночь смотреть через стекло,
Раскрываться из-под пледа, перед тем открыв окно.
Август теплит осторожно, бережет свое тепло,
Урабора в ночь приходит лишь на первое число.

Чем больше пью, тем злее небеса.
С них смотрят на меня глаза лазури.
Все дни мои, как угли из костра,
Истлеют в солнце, ветер их раздует.

Чем больше мыслей, тем страшней молчать.
В огне сгорает разум под спиртным,
Растаял лед, и вечно молодым
Мне быть, похоже, разве что в июне.

В неволе сердце в решете скелета,
В разломе разума рассеянный огонь,
И мысли-костыли, распявшие здесь где-то
Путей железных разговор стальной.

Чем меньше слов, тем больше пониманья,
Чем меньше слов, тем на душе теплей.
В расплаве рельс сжигаю пожеланье
В глаза себе вернуть цветы полей.

Глаза мои — они глаза другого.
Когда молчу, молчу про каждый вздох,
И думается то, что, вскоре, может, снова
Распустится в дали ещё один цветок.

Пророк

Я с вечера спать не ложусь, боюсь,
Что ночью наступит смерть,
Вонзаясь в прекрасный век,
Распустит свои шатры,
Минуя все песни, дожди и пути.
В конце этой ветки
Я лишь человек
С оскалом звериной души.
По улице вьётся росой тополиной
Отвратный рассвет.
И мрачной рукою укрывши сознание:
Расколота ваза, сугроб поминальный
И сверху цветов омертвелых букет,
Приснится мне в сумраке стен рассеченных
Окном, предрекающим свет.
День не бьётся в тревоге, не смотрит в пустое,
Не смотрит ушедшему в след.
Раскаленной чертою появится море,
Возвращаясь с орбит позабытых планет.
И с утра по долине расползаются нити
Уходящих лучей в потолок, в никуда.
Я проснулся отныне в своей милой квартире,
Как проснулся однажды пророк Илия.

Я пришёл и принёс карамелек с собою.
В карманы джинсовки впиваются влажные руки.
Небо сверкает водой, не нырнуть с головою.
На одном из балконов, я вижу, сушат зелёные брюки.

Утра ещё сентября мне милее не стали,
Влага, как осенью холод, морочится в горле.
Море в ночи звучит в голове как будто хрустально,
Бьётся о берег, зевая ослепляя солью.

Дом головного сияния в мирной прохладе.
Нет за собою ни чувства тревоги, ни сонного эха,
Греются чайки, в глазницах нечеткой оправе
Слышится лишь обречённость угрюмого смеха.

Там изнутри дуновенье слепого дыханья,
Меркнут голодные окна в лучах омертвело.
На стороне, той, что в синюю морось астрально
Зелень накроет холодным и мёртвым снегом.

Там, у костра, я встречаюсь багровой зимою
С теми, кто мне, как и прежде, до гроба верен,
Кто воплощается в жизни лишь рядом со мною,
С теми, кто пеплом по ветру уже развеян.

Ваше имя давно устарело,
И моё не новее вашего.
Сумрак кутает опалело,
Ты об этом меня не спрашивай.

Не ищи то, что спрятано ныне —
Руки ласковых до седин.
В полночь крашенные гусыни
Неминуемо глушат спирт.

Я не буду тут больше как там,
Где вверху на соседней крыше,
Щелкнув пальцами о стакан,
Говорят, чтоб не слышно, потише.

Где в панельных стенах, позади,
Там всегда кто-то пьёт и плачет.
Я не буду там больше, прости,
Разворачиваюсь, удачи.

Где-то там в растворенной тиши,
Все не то, всё не так, как надо
Просят бедные от души,
Просят вежливо, просят жадно.

Где-то, может, ручьи текут, а снутри
Верба, пурпур да ландышей звон
Там, где в лето кидает ключи
Заунылый кладбищенский стон.

Пенной жижею льётся струна.
Там, где есть я и в правду не сдох,
В коридорах стоит тишина,
Так стоит, что не выдумать слов.

И не то, чтобы ровно под стук
Стрелка сыплет, считая в такт.
Вшивой псиной разносится слух,
Я не первый нуждаюсь в гробах.

Ничего... в помертвелую синь,
Да и вряд ли кто спрашивать будет,
В море мраморные цветы
Терпеливым дыханьем сдует.

И не белая на смерть зала
В тон солёного берега лета,
Нам бы только разбитых сто грамм
На двоих лишь не здесь, но где-то.

Лампочка

Мне кажется, как будто угасаю.
И точно ртутью грудь моя полна.
В ночи живу, а утром умираю.
И разум мой – вольфрамова дуга!

Не распыляюсь скоротечно, нет причины!
Не веет от меня огнём.
И загораюсь я не весь – наполовину,
Не думаю, не грежу ни о чём.

В ночи мой свет – сиянье лампы!
Я чувством озаряю пустоту,
И мне в тот час становится отрадно,
Отрадно оттого, что вновь живу!

И вот, когда покой нарушен,
Я грань переступаю в темноту.
Единственный сосуд внутри разрушен,
Меня заменят новым, я уйду...

По городу струится лёгкий вечер,
Появятся вот первые огни.
Меж них ведёт дорога в бесконечность,
Настало время мне по ней пройтись.

Ночь в коробке спит устало,
Дремлет тайной воспаленной.
То, что ново, будет старо
Через годы воспоенно.

Мечет звук дрожащей стали
По утрам седое небо
И над нами, будто пеной,
Проявляется несмело.

Ну, а ночью, в точь, как в сказке,
В колыбели тихой песней
Ночь покажет свои краски,
Раскаляя стружку жести.

Так и светят до упора,
В темноте весьма неплавно.
Отсвет солнца уже скоро
Выйдет утром из тумана.

И взойдет, сияя, солнце,
Звезды тенью покрывая.
Днем одна звезда, сгорая,
Свет свой сотням оставляет.

Мелкой лужей у дороги,
Блеклым бликом на асфальте,
Ночью, при любой погоде,
Синь луны идет по карте

И вздыхает на пороге.
В комнате светло и мило.
Мельком в зеркале дороги,
Отражаясь, небо стыло.

В круг неоновых созвездий
Посмотреть, в бредовой иней,
Нету ничего полезней,
Не уснув, в раздумьях пыльных

Выйти, коль мороз по коже
Не страшит вас своим криком.
Ночь на день слегка похожа
Перед утром ярким пиком.

И в сухом своем остатке
Получает только спящий
Света солнца тут в достатке,
Виден только он незрячим.

Жареный тигр качает мне ветвью сирени в окно опостыло,
Корзинкой прикрыв, изумляет злым цветом зевак.
Чёрною сажей в махровых тюльпанах темнее затылок
Того, чья под солнцем вернее висит голова.
В дождь ведь, как жизнью становится больше и гуще –
Взором окинешь бордовый в закате загиб,
И через время сияют зелёные пуши
Камнем и медью откинутых в спешке границ.
Малины листья чахнут от жажды, становятся уже.
Вода, нагреваясь парами, возносится ввысь.
Палит изжигающе солнце и падает в лужи.
Молятся небу сады, ну и ты помолись.